

DOI: 10.31857/S032103910010641-8

С.А. ЖЕБЕЛЁВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

(по материалам новых архивных документов)

Часть II. 1927–1932

В. Г. Ананьев¹, М. Д. Бухарин²

¹Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹E-mail: v.ananьев@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com

Период с 1927 по 1932 г. был наиболее трудным в биографии С.А. Жебелёва. Избирательная кампания в действительные члены АН СССР 1927 г. сопровождалась борьбой двух групп внутри Академии наук: противников избрания Жебелёва академиком и его сторонников. Первые полагали, что Жебелёв нарушал нормы научной этики и запятнал свое имя плагиатом. Другие считали, что эти обвинения не обоснованы. После избрания академик С.А. Жебелёв был вынужден пережить еще одну кампанию, еще более тяжелую, едва не окончившуюся для него исключением из АН СССР. К 1932 г. Жебелёв разочаровался в научной деятельности в условиях советской действительности и приступил к подведению жизненных и научных итогов.

Ключевые слова: древняя история, антиковедение, история науки, архивы, С.А. Жебелёв, Н.Я. Марр, С.Я. Лурье, А.И. Болтунова, М.И. Максимова, научные институты, АН СССР

S.A. ZHEBELEV IN THE SYSTEM OF SOVIET SCIENCE

(Based on New Archival Findings)

Part II. 1927–1932

Vitaliy G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹ Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹E-mail: v.ananiev@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев — доктор культурологии, старший преподаватель Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.». Первую часть см. в ВДИ 80/2, 2020, с. 497–512.

The period from 1927 to 1932 was the most difficult in S.A. Zhebelev's biography. The elections of full members of the Academy of Sciences of the USSR in 1927 were accompanied by the struggle of two groups within the Academy of Sciences: opponents of Zhebelev's election and his supporters. The first claimed that Zhebelev violated the norms of academic ethics and tarnished his name with plagiarism. Others believed that the allegations were not made on serious grounds. After his election, academician S.A. Zhebelev had to come through another, even harder campaign which nearly led to his expulsion from the Academy of Sciences of the USSR. By 1932 Zhebelev became disillusioned with the possibility of scholarly activity in Soviet realities and directed his energies towards summing up the results of his life and studies.

Keywords: ancient history, Classical studies, science history, archives, S.A. Zhebelev, N.Ya. Marr, S.Ya. Luria, A.I. Boltunova, M.I. Maximova, scientific institutes, Academy of Sciences of the USSR

Беда в том, что той науки, которой мы
занимались, теперь у нас никому не нужно,
и сами мы нечто вроде Дон-Кихотов.
Это нужно усвоить себе твердо,
и тогда становится легче.

Из письма С.А. Жебелёва А.И. Болтуновой от 17 мая 1929 г.

В 1927 г. в научной судьбе С.А. Жебелёва произошли важные изменения. Своеобразным эпиграфом к этому новому этапу в жизни ученого, обстоятельства которого существенно сказались на его положении в науке и контактах со многими коллегами, может служить короткое письмо Жебелёва к Лурье от 8 мая 1927 г., в высшей степени примечательное по целому ряду обстоятельств:

Дорогой Соломон Яковлевич,

Душевно Вас благодарю за любезный привет и добрые пожелания. Как один в поле не воин, так и один классик в академии ничего не сделает. Нужна объединенная работа всех тех уже очень немногих классиков, которые у нас остались, но классиков в строгом смысле этого слова, без всяких современных признаков и привкусов. За истекшие 10 лет классическая филология, которую, мне кажется, хоронить еще рано, испытала у нас большое умаление; и если бы мне посчастливилось поставить ее в прежнее положение, я не считал бы свое избрание в академию безуспешным и бесплодным. Я твердо уверен, что Вы, с Вашими знаниями и Вашей энергией, поможете мне в сложном и ответственном деле возрождения у нас общей для нас с Вами науки.

Преданный Вам С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 198. Л. 19.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

За день до написания, 7 мая 1927 г., С.А. Жебелёв Общим собранием АН СССР был утвержден в звании действительного члена академии. Избранию Жебелёва предшествовала кампания, равной которой за все 200 лет своего существования Академия наук не знала. Вероятно, впервые избранию кандидата на академическую кафедру предшествовала столь жесткая борьба, в которой со всей остротой проявилось не только отсутствие четких критериев для избрания в члены-корреспонденты или академики, но и разделение практически всей Академии на два лагеря.

Противников избрания Жебелёва, апеллировавших к наличию в его научно-популярных трудах неоговоренных заимствований чужого текста и отсутствию новых работ, можно условно назвать «пуристами». Во главе «пуристов» стоял П.К. Коковцов¹, которого энергично поддерживал Н.К. Никольский² и (на начальном этапе) Ф.И. Щербатской³. У сторонников избрания Жебелёва не было единого лидера. Выдвинул его кандидатуру В.П. Бузескул⁴, поставивший вопрос о замещении академической кафедры по античной филологии еще в 1922 г. сразу после своего избрания, энергично это выдвижение поддерживали С.Ф. Ольденбург⁵, В.В. Бартольд⁶, Ф.И. Успенский⁷, С.Ф. Платонов⁸ и ряд других коллег⁹.

Со слов непременного секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга, его супруга занесла в дневник следующее описание одного из собраний, посвященных обсуждению этого вопроса: «Заседание было скандальное. Сергей прикрыл его и отложил вопрос до осени. Против кандидатуры Жебелёва были Коковцов и Щербатской. Марр¹⁰ так горячился, говоря, что это клевета о Жебелёве, что он ушел из заседания, попросив у Сергея извинение за свое поведение, как перед председателем»¹¹. Конфликтовал с Коковцовым и сам Марр, причем в тот период, когда его отношения с Жебелёвым носили самый доверительный характер¹². Возможно, два этих эпизода были как-то связаны друг с другом.

¹ Коковцов, Павел Константинович (1861–1942) — востоковед-семитолог, академик ИАН (1912), профессор СПбУ (ПГУ) (1900–1921); заведующий отделом еврейско-арабских рукописей Российской публичной библиотеки (1919–1930), г.н.с. Института востоковедения АН СССР (1930–1942).

² Никольский, Николай Константинович (1863–1936) — историк, литературовед, академик ИАН (1916), профессор СПбУ (ПГУ) (1906–1924), директор Библиотеки Академии наук (1920–1925).

³ Щербатской, Федор Ипполитович (1866–1942) — востоковед-индолог, буддолог, академик РАН (1918); профессор СПбУ (ПГУ/ЛГУ) (1912–1930), директор Института буддийской культуры при АН СССР (1928–1930), заведующий Индо-тибетским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930–1942).

⁴ Бузескул, Владислав Петрович (1858–1931) — историк-антиковед, историк науки, академик РАН (1922).

⁵ Ольденбург, Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед-индолог, историк, литературовед, археолог, искусствовед, этнограф; ординарный академик ИАН (1908); в 1904–1929 гг. — непременный секретарь Императорской академии наук (РАН, АН СССР).

⁶ Бартольд, Василий Владимирович (1870–1930) — востоковед-иранист, тюрколог, арабист, академик ИАН (1913).

⁷ Успенский, Федор Иванович (1845–1928) — историк-византист, археолог, академик ИАН (1900).

⁸ Платонов, Сергей Федорович (1860–1933) — историк-русист, академик РАН (1920).

⁹ Кратко историю кампании против Жебелёва см. Zhebelev 1993, 198–199; Tunkina 1997, 95–99; 2015, 131–132; во всей полноте — Ananiev, Bukharin 2019, 77–109.

¹⁰ Марр, Николай Яковлевич (1865–1934) — археолог, литературовед-кавказовед, академик ИАН (1912), председатель РАИМК (ГАИМК) (1919–1920, 1922–1934).

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 56. Л. 114 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 81. Л. 2.

Партия противников избрания Жебелёва обсуждала целый ряд иных кандидатур на академическую кафедру: А.И. Малеин¹³, Г.Ф. Церетели¹⁴, М.Н. Крашенинников¹⁵. Кандидатуры Б.В. Фармаковского¹⁶ и Д.В. Айналова¹⁷ были отклонены уже в ходе дебатов в Отделении историко-филологических наук в феврале 1927 г.

В письме С.Я. Лурье, который, судя по контексту, поздравил своего учителя с утверждением в новом статусе, Жебелёв говорит о том, что ученых-классиков — сторонников традиционных научных подходов нужно объединять, что свое избрание в академики он рассматривает как возможность поднять классическое антиковедение на прежние высоты. Ссылка на то, что «один в поле не воин», и на то, что «один классик в академии ничего не сделает», указывает на готовность Жебелёва способствовать продвижению коллег в ряды действительных членов АН.

Теми же словами и в том же контексте С.А. Жебелёв оперирует в письме к А.И. Болтуновой (Амиранашвили) от 4 ноября 1928 г., когда говорит о том, что выдвинул было Г.Ф. Церетели в действительные члены АН, но снял, т.к. «мне пришлось действовать одному, а один в поле не воин»¹⁸. Более подробное описание этого эпизода содержится в письме М.И. Максимовой от 14 октября 1928 г.: «В Академии — избирательная кампания вовсю. Подробности узнаете по приезде — они очень поучительны и интересны. Самое печальное то, что кандидатуру Гриши я в первое же заседание счел за благо для него снять, ибо Гришу забаллотировали бы несомненно; он получил бы *maximum* 3 голоса (меня, Бузескула и, может быть, Лаврова¹⁹). Я Грише в тот же день все подробно отписал. Знаю, что он будет очень недоволен, может быть, рассердится на меня, но раз дело безнадежное, лучше не доводить его до конца, чтобы в газетах не писали, что такой-то забаллотирован. Кстати скажу, что наши хлопоты с телеграммами в Тифлис в результате не оказали ровно никакой пользы. Секции представить-то

¹³ Малеин, Александр Иустинович (1869—1938) — филолог-классик, библиограф, член-корреспондент ПАН (1916).

¹⁴ Церетели, Григорий (Григол) Филимонович (1870—1938) — филолог-антиковед, папиролог, профессор Юрьевского (1905—1914), Санкт-Петербургского (1914—1920), Тбилисского (1920—1937) университетов; член-корреспондент РАН (1917).

¹⁵ Крашенинников, Михаил Никитич (1865—1932) — филолог-классик, профессор Юрьевского (Дерптского) и Воронежского университетов.

¹⁶ Фармаковский, Борис Владимирович (1870—1928) — историк-антиковед, археолог, искусствовед, член-корреспондент ИАН (1914).

¹⁷ Айналов, Дмитрий Власевич (1862—1939) — искусствовед, член-корреспондент ИАН (1914).

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 47. См. в письме Жебелёва к М.И. Максимовой от 4 июня 1928 г.: «Сегодня получил ответную депешу (подана из Тифлиса в 3 ч. 32 м. дня) Джавахова: «Письмо утеряно. Выставление кандидатуры местной организацией надеяться нельзя». Все мои расчеты на грузинскую поддержку, оказывается, лопнули. Очень обескураженный этим, не знаю пока, что предпринять. Послал срочное письмо Бузескулу, моему единственному верному союзнику, просил его поразмыслить о дальнейших шагах». См. СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 16.

Джавахишвили (князь Джавахов), Иван Александрович (1876—1940) — историк-кавказовед, академик АН СССР (1939).

¹⁹ Лавров, Петр Алексеевич (1856—1929) — литературовед, академик РАН (1923).

представили, но, когда надо, ни слова не вымолвили. Вообще же, вероятно, ни один из представленных мною кандидатов (Айналов, Покровский²⁰) не пройдет; Радлов²¹ тоже сам снял свою кандидатуру и, как оказалось, поступил правильно. Как я не сошел с ума от всего происходящего, не знаю; впрочем, еще осталось время сойти, тогда, во всяком случае, докажу, что ум был»²².

В итоге Жебелёв принимал участие в выдвижении нескольких кандидатур на выборах в члены-корреспонденты АН СССР. «Записки об ученых трудах» А.А. Грушки (В.П. Бузескул, С.А. Жебелёв) и избранных в АН СССР А.А. Ильина (С.А. Жебелёв, Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов), С.И. Соболевского (В.П. Бузескул, С.А. Жебелёв, Ф.И. Успенский), А.В. Орешникова (В.П. Бузескул, С.А. Жебелёв, Н.П. Лихачев) изданы в «Записках Академии наук» за 1928 г., а «Записка об ученых трудах Д.В. Айналова» — одно из двух представлений к званию академика²³ — опубликована относительно недавно²⁴. Любопытно, что в этом последнем случае Жебелёв выступал лишь от своего имени, тогда как других кандидатов поддерживал совместно с коллегами.

Трудно точно ответить на вопрос, почему Жебелёв выбрал для одиночной поддержки именно кандидатуру Айналова. Возможно, это связано с тем не только научным, но и человеческим уважением, которое он испытывал к коллеге. В сохранившемся фрагменте письма к М.И. Максимовой, написанном вскоре после смерти Айналова, Жебелёв писал: «С Айналовым сошел последний мой друг из числа оставшихся в СССР. Если бы Айналов дожил до февраля 1940 г., мы могли бы справить серебряную свадьбу нашей дружбы, за все это время ни разу не омраченной ... Хотелось бы написать об Айналове хорошую статью — вся его деятельность прошла у меня на глазах, но где взять для этого время и настроения,

²⁰ Покровский, Алексей Иванович (1868–1928) — историк-антиковед, профессор Нежинского Историко-филологического института (1894), профессор университета Св. Владимира в Киеве (1905), профессор Нежинского института народного образования (1922).

²¹ Радлов, Эрнест Львович (Леопольдович) (1854–1928) — философ, историк философии; в 1882–1899 — сотрудник Публичной библиотеки, помощник директора (1916), директор (1918–1924), заведующий отделением филологии (1924–1927); преподавал в Училище правоведения, Александровском лицее, на Высших женских курсах; член-корреспондент РАН (1920). Работы по истории античной философии составляли незначительную часть творческого наследия Э.Л. Радлова.

²² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 38 об.—39. Далее: «Теперь занимаюсь докладом в память Ф.И. Успенского, чествовать которого в Академии наук предполагают 28 октября. Его кандидат — Бенешевич — снят с очереди без рассмотрения. А за выступление в пользу Гриши, лучше сказать, в связи с ним, я чуть было не приведен председателем (Марром) к порядку. Вообще дела, дела!» (там же. Л. 39 об.).

Бенешевич, Владимир Николаевич (1874–1938) — византист, историк средневекового права, профессор СПбУ/ПГУ/ЛГУ (1909–1922, 1934–1937), член-корреспондент РАН (1924). Неоднократно репрессирован.

Гриша — имеется в виду Г.Ф. Церетели; см. выше.

²³ Другое представление Айналова составлено «группой археологов и историков искусства Москвы» в количестве 22 человек, при этом стоит только одна подпись профессора А.А. Захарова. Остальные фамилии скрываются под словами «и др.». Оно сохранилось в фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН (Ф. 518. Оп. 4. Д. 2. Л. 178–181).

²⁴ Tunkina 2003, 177–180.

не знаю»²⁵. Возможно же, ответ кроется именно в том, что в данном вопросе он был не одинок и мог опереться на «группу товарищей» из Москвы, а кандидатуру Г.Ф. Церетели никто, кроме него, поддерживать не хотел, хотя Айналов по сфере своих научных интересов значительно менее подходил под нужды антиковедения, о которых Жебелёв говорил в письмах своим ученикам, чем Церетели.

Как показывает «Записка об ученых трудах Д.В. Айналова», С.А. Жебелёв представлял археологию и историю искусства в СССР наследницей традиций Н.П. Кондакова. Реальность, однако, была такова, что именно этот, единственный из выдвинутых Жебелёвым, кандидат и не прошел отборочный тур. Тем не менее, очевидно, что выборы 1928 г. воспринимались многими уже в начале всей кампании как событие, значение которого не ограничивается одним лишь научным измерением. В письме Максимовой от 9 сентября 1928 г. Жебелёв писал: «И все-таки Ф.И.²⁶ умирает как раз очень некстати: при предстоящем дележе в Академии наук, где все голоса наши наперечет, его голос был бы очень важен и нужен. Дьяволу везет даже в этом отношении»²⁷.

Чувство одиночества явственно сквозит и в следующем письме Жебелёва к А.И. Болтуновой от 16 февраля 1928 г. Сначала он говорит о положении классической филологии в советской науке в целом, затем переходит к теме своего увольнения из университета: «Мы, русские классики, насчитываемся единицами теперь, и мы не можем и не должны слишком узко специализироваться. Немцев филологов так много, что половину можно без ущерба выбросить, там, в Германии, возможна узкая специализация, у нас она — гибель... я не горюю: все равно при теперешнем положении я был там лишний и чужой и поддержать ничего не мог бы один. Вот если бы был М.И. Ростовцев, то оба мы поддержали бы и навели бы порядок»²⁸.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о языке общения с советской и мировой наукой, который неоднократно поднимается в письмах Жебелёва разным адресатам, обострившийся как раз в конце 1920-х годов. Со всей остротой Жебелёв поднимает его в письме к С.Я. Лурье. Жебелёв примыкает к точке зрения Отделения гуманитарных наук, согласно которой публикация в изданиях АН СССР приветствуется, если она представлена по-русски. Этот вопрос является одной стороной более широкой проблемы, обсуждение которой проходит, пусть и не красной нитью, но вполне заметным рефреном, через многие письма Жебелёва: следует ли публиковать свои работы за границей и следует ли публиковать работы на иностранных языках в отечественных изданиях.

24 июля 1928 г. Жебелёв писал Максимовой, находившейся в это время в заграничной командировке и сообщавшей ему новости о научной жизни Германии и Франции: «Гораздо важнее было узнать из Вашего письма, что немцы учатся понемногу русскому языку. Дело пошло бы еще успешнее, если бы мы не “забегали” с нашим довольно-таки скверным немецким языком и те, кто считают

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 81.

²⁶ Имеется в виду Ф.И. Успенский.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 33.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 35–36.

себя русскими, не стыдились бы писать на нем, помня Цезаря, который говорил: лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. А мы-то у немцев даже и не вторые, а просто на запятках. Ну да о вкусах не спорят. Не подумайте, по образцу Мартыныча²⁹, что я *Deutschenfresser*³⁰, как он аттестовал меня в свое время покойному Амелунгу³¹. Для меня все народы равны, а в особенности ученые, если они хороши, но ради этих народов я не могу забыть, что у меня есть долг перед родиной...»³². В письме от 31 октября 1928 г. Н.Я. Марру (см. ниже) Жебелёв ссылается на статью С.Ф. Ольденбурга в «Красной газете», где тот пишет о трудностях с опубликованием научных работ в СССР. Переход к изданию на русском языке был общей тенденцией в СССР 1920-х годов. В конечном итоге эта тенденция вылилась в «дело академика Лузина» в 1936 г., в ходе которого был сформулирован поведенческий императив советского ученого³³. Составной частью этого императива было стремление издавать результаты своих исследований на русском языке и в советских изданиях. В конце 1920-х годов ситуация была еще иной. Об этом свидетельствует письмо Жебелёва С.Я. Лурье от 28 мая 1928 г.:

Дорогой Соломон Яковлевич,

Ваше письмо побуждает меня письменно изложить Вам то, что мною в свое время сообщено было на словах. Когда в одном из собраний отделения гуманитарных наук — даты не помню — мною была представлена Ваша статья, изложенная по-немецки, Ф.И. Успенский поставил вопрос: нормально ли, что в изданиях отделения за последние годы помещается так много статей на иностранных языках? При происшедшем обмене мнений выяснилось, если не единогласное, то единодушное *настроение* присутствовавших в собрании. Они признали, что явление это не может быть признано нормальным. Никакого *постановления* по этому вопросу *не было вынесено*, и не могло быть вынесено, так как это противоречило бы создавшейся практике, в силу которой в изданиях академии помещаются статьи и не написанные по-русски. Таким образом, речь должна идти не о постановлении, а о *настроении* только Отделения гуманитарных наук³⁴. Когда был задан непременно секретарю вопрос, как же поступать в тех случаях, когда членам Гуманитарного отделения будут представляться статьи, написанные на иностранных языках, последовал ответ непрямого секретаря: принимать эти статьи, если они подходят для помещения в изданиях академии, но при этом сообщать авторам о *настроении* отделения по вопросу

²⁹ Придик, Евгений Мартынович (1865–1935) — археолог-антиковед, нумизмат, ассистент (1898), хранитель (1899, 1919–1930) в Кабинете монет Эрмитажа, старший хранитель в Отделе древностей (1904–1918), приват-доцент СПбУ (1899).

³⁰ Пожиратель немцев (*нем.*).

³¹ Амелунг, Вальтер (Amelung, Walter Oskar Ernst; 1865–1927) — немецкий антиковед-искусствовед, сотрудник Германского археологического института в Риме (1895), член-корреспондент Гёттингенской академии наук (1917), директор римского отделения Германского археологического института (1922).

³² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 22 об. Негативное отношение Жебелёва не столько к немецким ученым, сколько к их русским адептам видно и из следующей фразы того же самого письма, в которой он говорит о своем желании увидеть недавно выставленный в одноименном берлинском музее Пергамский алтарь: «...Я бы не против его посмотреть, как и побеседовать с берлинскими учеными, но не в присутствии их “подражателей” на берегах Невы». Там же. Л. 23.

³³ Val'kova 1999, 337–338.

³⁴ Вписано под строкой к этому месту: «состава данного собрания».

о «языке», а от авторов уже будет зависеть, пожелают ли они с этим *настроением* считаться или не пожелают.

Таким образом, не меня Вам приходится переубеждать, а приходится переубеждать почти всех членов Гуманитарного отделения. Я в данном случае явился в беседе с Вами лишь выразителем *настроения* всей коллегии, с которой я, хотя бы по присущему мне чувству коллегиальности, считаю себя вправе и обязанным быть солидарным.

Ваш С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 198. Л. 29–29 об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

Тот факт, что постановка данного вопроса и уровень этой постановки — дискуссии в Отделении — обнаруживают себя именно в документах 1928 г., вполне объясним: Жебелёв был избран действительным членом АН СССР и получил право участвовать в заседаниях отделения. Будучи членом-корреспондентом АН СССР, по уставу 1837 г., действовавшему на момент избрания Жебелёва, он этим правом не обладал.

В данном контексте обращают на себя внимание следующие — более поздние — письма к А.И. Болтуновой (Амиранашвили), в которых развивается эта тема. Так, 28 ноября 1930 г. Жебелёв пишет: «Разбазаривание началось давно, и пример им подал Эрмитаж, правильнее — эрмитажные немцы и примыкающие к ним наши соотечественники. Сколько наших, т.е. русских, работ было переправлено к немцам и там напечатано. А они могли бы быть напечатаны у нас»³⁵.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 89. При этом следует отметить, что, возможно, здесь сказывались и некоторые субъективные факторы. Так, например, когда в 1927 г. в Париже на французском языке была издана книга М.И. Максимовой «Античные фигурные вазы», Жебелёв писал ей 26 апреля 1927 г.: «Дома я внимательно просмотрел Вашу книгу и воочию убедился, как она прекрасно издана. Не только от души поздравляю Вас с таким чудным подарком Вам к празднику, но и душевно радуюсь тому, что среди тех “уколов”, которые точили против Вас разные людишки, мало общего с наукой имеющие, Вы получили достойную Вас аттестацию и “квалификацию” не от кого иного, как от Pottier. Видеть на обложке объединенными именами Maximova и Pottier — c'est quelque chose [«это что-то» (*фр.*)] в глазах тех, кто привык видеть свет только в немецком окошке. Да и вообще появление Вашей книги во французском издании для меня лично является лучом света в окружающей нас мерзости и темном царстве» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 13). Впрочем, возможно, такое положительное отношение к факту издания книги объяснялось не только дружескими отношениями корреспондентов, но и тем, что магистерская диссертация, лежавшая в основании издания, была написана на русском языке и защищена в 1918 г., а первая книга Максимовой по этой теме вышла в Москве еще в 1916 г.

Характерно и его уже более позднее свидетельство об отношении к своему бывшему ученику И.И. Бикерману, уехавшему в Германию и писавшему в тот момент по-немецки, выраженное 20 февраля 1936 г.: «Бикерман прислал мне свою великолепную статью о процессе I.X. по синоптикам. А я ее могу читать только урывками. Вот такими учениками можно гордиться. Правда, он доучивался, а может быть, и переучивался у Вилькена и Нордена» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 52–52 об.).

Под разбазариванием Жебелёв в данном случае имеет в виду не распродажу предметов искусства, а передачу научных исследований в иностранный научный контекст в ущерб отечественному. Отношение Жебелёва к деятельности «немецкой партии» антиковедов Эрмитажа было крайне негативным, осложнялось целым рядом обстоятельств как личного, так и общего характера³⁶, и даже побудило поддерживавшую с ним долгие дружеские отношения М.И. Максимова много лет спустя составить специальный экскурс на тему «О враждебных отношениях между С.А. Жебелёвым и “русскими немцами” из Отдела Древностей Эрмитажа»³⁷.

В том же письме к Болтуновой от 28 ноября 1932 г. Жебелёв упоминает и собственную работу, которая, как ему казалось, имеет чисто научную ценность — о восстании Савмака во II в. до н.э. Жебелёв настолько воодушевлен полученными выводами, что готов отправить ее в иностранный журнал, чтобы продемонстрировать европейским коллегам уровень научной работы в области античной истории в СССР: «А до этого вымученного доклада³⁸ я прочитал, могу сказать, сногшибательный доклад на тему: “Скифская революция в Киммерийском Боспоре”, одно из моих произведений, которым я мог бы гордиться, если бы был самолюбивым и честолюбивым мужем. Я так разобрал надпись Диофанта³⁹, которой занимались все, начиная с Моммзена⁴⁰, что слушатели мои просто ахнули

Потье, Эдмон-Франсуа-Поль (Pottier, Edmond François Paul; 1855–1934) — французский антиковед, искусствовед, куратор в Лувре, один из основателей «Corpus vasorum antiquorum», один из организаторов первого съезда Международного союза академий в 1919 г.

Вилькен, Ульрих (Wilcken, Ulrich; 1862–1944) — немецкий историк-антиковед, папириолог, профессор университетов Берлина (1889), Галле (1903), иностранный член-корреспондент АН СССР (1931).

Норден, Эдуард (Norden, Eduard; 1868–1941) — немецкий филолог-антиковед, религиовед, профессор университета Грифсвальда (1893), Бреслау (1899), ректор Берлинского университета (1928), иностранный член-корреспондент АН СССР (1931).

³⁶ См. подробнее Ananiev, Bukharin 2018, 43–70.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 148–159. Ср., например, одно из ранних свидетельств в переписке с Максимовой в письме от 6 апреля 1926 г.: «...Боровко преврал уже года два со мной всякие сношения, вплоть до неответа на мои поклоны ему (теперь я этого, конечно, уже не делаю)». СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 11.

Боровка (Боровко), Григорий Иосифович (1894–1941) — сотрудник Государственного Эрмитажа (1918), хранитель скифской секции эллино-скифского отдела ГЭ (1921), сотрудник РАИМК (1919), профессор Археологического института (1920), в 1931 г. репрессирован.

³⁸ Как следует из того же самого письма, речь идет о докладе «Значение металлической промышленности для экономики Боспора».

³⁹ Речь идет о херсонесском декрете (II в. до н.э.) в честь синопца Диофанта, сына Асклепиодора, выбитом на тыльной стороне постамента статуи (IosPE I² 352). Памятник найден в 1878 г., с 1893 г. хранится в Эрмитаже. Диофант одержал несколько побед над армией скифского царя Палака, взял в плен Савмака, поднявшего восстание против боспорского царя Перисада V. Интерпретация надписи представляет собой предмет длительных споров.

⁴⁰ Моммзен, Теодор (Mommsen, Theodor; 1817–1903) — немецкий филолог, эпиграфист, историк-романист, политик, профессор Берлинского университета (1858), почетный член ИАН (1893), лауреат Нобелевской премии (1902).

от сделанного мною “открытия”. Статья будет... непременно напечатана. И я, вопреки своему обыкновению, предпочел бы даже напечатать ее в иностранном журнале, чтобы, как говаривал покойный Я.И. Смирнов, “утереть нос Европе”, но, вероятно, от этого малодушия, печатать на иностранном языке, все-таки заставлю себя воздержаться, и только не знаю, в какой академии⁴¹ печатать»⁴².

Уже после кончины Жебелёва тема языка работ продолжала преследовать его память. Если верить мемуарному свидетельству, во время одной из проработок ученика Жебелёва С.Я. Лурье в 1948 г. А.И. Болтунова указала Лурье на то, что Жебелёв был «советский патриот» (несмотря на почитание государя, вполне открытую религиозность и неприятие марксизма) и что в его научном наследии «трудно найти работы, печатавшиеся на иностранных языках» (за исключением статей, написанных для борьбы с иностранцами)⁴³.

Однако в 1928 г. отношения Жебелёва и советской системы науки продолжали оставаться прохладными. Следующее письмо С.А. Жебелёва Н.Я. Марру представляет собой немалый интерес по целому ряду обстоятельств. За год до его написания Жебелёв был, с одной стороны, уволен из университета, с другой — избран в действительные члены АН СССР. В 1928 г. он исполнял обязанности директора библиотеки АН, и, судя по письму, эта деятельность не приносила ему никакого удовлетворения⁴⁴. Новости в письме подаются в весьма ироничном ключе, и это само по себе показательно. Такой ироничный тон начинает постепенно все чаще проскальзывать в письмах Жебелёва и, вероятно, психологически подготавливает его переход к новой тактике в отношениях с властями, которой будут характеризоваться 1930-е годы. Впрочем, для перехода к ней определяющим будет другое обстоятельство, гораздо более трагичного свойства. «Ревизоры», о которых упоминает в своем письме Жебелёв, действительно в итоге найдут в академической библиотеке «много занятой работы», но последствия этой находки для российской академической науки как таковой и для Жебелёва лично

⁴¹ Имеется в виду в изданиях ГАИМК или АН СССР.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 124–124 об.

⁴³ Цитаты приводятся по Lurie 2004, 180.

⁴⁴ Ср. в письме Максимовой от 24 июля 1928 г.: «Я усиленно и с большим вредом для себя управляю одной академией всецело, другой в количестве 1/3, академической библиотекою — всецело. Подчас голова идет кругом. И если бы не было крокета в Мраморном, погиб бы совершенно». См. СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 23–23 об.

И далее в письме от 11 августа: «В другой академии у меня забот очень много. Я докатился до того, что с 5 августа исправляю обязанности даже вице-президента, ибо Крылов уехал в Севастополь. Теперь я достаточно окупился в академические “дела”, а если бы не пожертвовал собою этим летом, то никогда бы их не знал, и многое оставалось бы для меня неясным. Но эта жертва + Академия материальной культуры стоили мне очень дорого: я не только оторван от науки, но и здорово устал. С осени нужно будет радикально изменить образ поведения...» (там же. Л. 27).

Крылов, Алексей Николаевич (1863–1945) — математик, механик, кораблестроитель, генерал флота, академик ПАН с 1916 г.

В Мраморном дворце в 1919–1936 гг. располагалась РАИМК (ГАИМК).

будут столь трагичны, что представить это в июле 1928 г. сам автор письма, вероятно, еще не мог:

В.О. 4 линия, 7, кв. 13
2 июля 1928

Дорогой Николай Яковлевич,

Вы вот жалуетесь в письме, что плохо изучена Волга. А что, позвольте Вас спросить, у нас изучено хорошо? Крым и вообще юг России? Нимало. Север? Сибирь? И не начинали. И т.д. Раньше, когда материала было меньше, этот небольшой материал все-таки как-никак изучали, и на основании его писали *исследования*, которыми только и движется наука вперед. Но уже с конца прошлого века нас, по примеру европейцев, увлек поток добывания все нового и нового материала, всякого — и рукописного, и вещественного. Все бросились его изучать, забросили старый, но и с новым совладать не могли, ибо не хватало голов, да и осадить вовремя не умели те, кто должен был бы осаживать. И вот мы теперь задавлены новым материалом, не изучив старого, отбились от *исследовательской* работы, занимаемся либо собиранием нового, либо фантазированием. В Европе — по моей части то же самое. Издают, например, такое количество хотя бы надписей, что прочитать, не то что заняться ими, не успеваешь. Пошел в науке какой-то американизм, какой-то спорт. Тех руководящих исследований, которые писали, например, Бёк⁴⁵, К.О. Мюллер⁴⁶, Узенер⁴⁷ и им подобные, и в помине нет, и, в сущности, учиться приходится по старикам, а не по молодым, хотя бы и ставшим стариками. У нас же на беду всегда было к тому же еще мало ученого народа (а будет еще меньше, несмотря на обилие всяких аспирантов, практикантов и пр., которые учиться не хотят, а хотят сразу стать учеными), а если он и был, то его все время отрывали от науки. Васильевского посадили в Ученый Комитет⁴⁸, Никитина сделали вице-президентом⁴⁹ и пр. Впрочем, Вам это хорошо известно по личному опыту, да и я испытываю это на своей шкуре. Я, например, собирался летом хоть немного позаняться. Не тут-то было. Посадили в академическую библиотеку, а за отъездом И.Ю. Крачковского⁵⁰ посадили в президиум⁵¹. А в президиуме заседания не то, что заседания нашего правления даже при Фармаковском⁵². На прошлой неделе заседа-

⁴⁵ Бёк, Филипп-Август (Böckh, Philipp August; 1785–1867) — немецкий историк, филолог-антиковед, один из основоположников эпиграфики как научной дисциплины, профессор Гейдельбергского университета (1807).

⁴⁶ Мюллер, Карл-Отфрид (Müller, Karl-Otfried; 1797–1840) — немецкий антиковед, исследователь литературы и искусства, профессор Гёттингенского университета (1819).

⁴⁷ Узенер, Германн-Карл (Usener, Hermann-Carl; 1834–1905) — немецкий филолог-антиковед, профессор университетов Берна (1861), Бонна (1866), член-корреспондент ИАН (1886).

⁴⁸ Васильевский, Василий Григорьевич (1838–1899) — историк-византист, профессор СПбУ (1884), академик ИАН (1879). Васильевский состоял членом Ученого комитета министерства народного просвещения (Bezobrazov 1899, 650).

⁴⁹ Никитин, Петр Васильевич (1849–1916) — филолог-классик, вице-президент ИАН (1900–1916).

⁵⁰ Крачковский, Игнатий Юлианович (1883–1951) — востоковед, арабист-литературовед, академик РАН (1921), академик-секретарь Отделения исторических наук и филологии (1922–1927), Отделения гуманитарных наук (1927–1929), член президиума АН СССР (1926).

⁵¹ Имеется в виду президиум АН СССР, в который входили и С.Ф. Ольденбург, и П.П. Сушкин.

⁵² Б.В. Фармаковский с 1921 г. и вплоть до своей смерти в 1928 г. был ученым секретарем РАИМК (ГАИМК).

ли: в понедельник с 11 до 3 1/2, во вторник с 1 до 3 1/2, в среду с 10 до 3 1/2 (sic!); хотели заседать и в четверг, но С.Ф. Ольденбург свалился, П.П. Сушкин⁵³ заболел и вот сегодня, когда нужно было заседать с 10 утра, пришла в 8 1/2 записка от Моласа⁵⁴: заседание отменяется, ибо и Ольденбург, и Сушкин «лежат в постели»⁵⁵. А заседанию следовало бы быть: в Академии наук скоро ревизия, конечно, в результате статей из «Правды», и нужно бы сговориться, как вести себя пред ревизорами. После такого милого денька, когда вечером заседаешь за стол письменный, ничего не понимаешь в раскрытой книге.

Был у меня — после того, как много раз обещал прийти, но надувал — Ятманов⁵⁶. Он, видите ли, хочет, чтобы Академия истории материальной культуры выработала план деятельности центральных музеев. Я сказал, что в данный момент в академии я чуть ли не один остался, да еще меня постоянно требует другая академия. Что же я могу вырабатывать? Говорил он мне и о том, что для музеев нужна «плетка» и спрашивал, не соглашусь ли я стать таковой. Я сказал, что плетка иногда вещь полезная, но что для Эрмитажа, например, нужно постоянно действовать плеткой, а я на это неспособен. Кончилось дело вопросом Ятманова: а когда Вы, С.А., «уходите в отпуск»? Я же ответил, что за десятилетие советской власти ни разу не ездил в командировку, ни разу не пользовался отпуском, и прошу его, Ятманова, возбудить в надлежащих инстанциях вопрос о награждении меня орденом Красного Знамени, ибо ни на что другое не согласен. Ятманов выразил удовлетворение, что у меня по-прежнему боевое настроение и сказал (очевидно, в утешение?), что я-де буду работать все время, пока «не выйду в тираж». Обещал зайти и еще поговорить. Что ж — поговорим! С музеями все равно толку не будет, пока заведовать ими будут Ятмановы, Гриневичи⁵⁷ и т.п. Мне Вера Андреевна⁵⁸ говорила, что меня хотят звать в директора Эрмитажа. Что ж, я согласен, если деятельность Эрмитажа будет перенесена со дня на вечер и отчасти ночь — другого свободного времени у меня нет⁵⁹. Слава богу, что меня хоть из университета выгнали вовремя; иначе бы и ночь пошла на службу Союзу...

⁵³ Сушкин, Петр Петрович (1868–1928) — зоолог, академик РАН (1923), академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР (1927–1928).

⁵⁴ Молас, Борис Николаевич (1874–1938) — юрист, музевед, заведующий секретариатом АН СССР (1927–1929), дважды репрессирован, в 1938 г. расстрелян.

⁵⁵ 17 сентября 1928 г. академик П.П. Сушкин скончался в Кисловодске.

⁵⁶ Ятманов, Григорий Степанович (1876 — после 1934), советский государственный деятель. В октябре — ноябре 1917 г. — комиссар Петроградского военно-революционного комитета по охране музеев и художественных коллекций. С 1917 г. — комиссар Эрмитажа и Зимнего дворца. До начала 1930-х годов принимал активное участие в работе государственных органов по охране памятников Петрограда-Ленинграда.

⁵⁷ Гриневич, Константин Эдуардович (1891–1970) — археолог, музевед, ученик В.П. Бузескула, коллега Жебелёва по ПГУ (1918–1920), директор Керченского (1920–1923) и Херсонесского (1924–1927) археологических музеев, основатель и главный редактор «Херсонесского сборника» (1926).

⁵⁸ Миханкова, Вера Андреевна (1892–1952) — историк, сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, с 1923 г. — секретарь председателя Академии, ближайшая помощница и автор первой биографии Марра.

⁵⁹ Сам Жебелёв едва ли относился к этим слухам серьезно. Вот, например, что он писал Максимовой 19 июля 1928 г.: «Можете сообщить Роденвальду, что пусть они не боятся, что я буду директором Эрмитажа. Преемник “Фуртвенглера”, по-видимому, найден в лице... Боровки. Ибо как понять то, что недавно Кристи вызывал меня на свидание по разным делам (не в Москву, конечно) и с глазу на глаз просил меня охарактеризовать ему Боровку (кто он? Hubert Schmidt, что ли, или Karl Schuchardt или ein und für sich? [«сам за себя» (нем.)]): 1) как ученого и 2) как администратора. Одно можно сказать по поводу всего этого: чудны дела твои, Господи! Но если “Schuchardt”

Нужно идти в Академическую библиотеку⁶⁰ — вдруг сегодня пожалуют ревизоры, если бы они были толковые, много нашли бы занятой работы. Но я, конечно, ревизорам слушать не собираюсь, совсем напротив...

Искренне Ваш С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 29–31 об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

Если 1927 г. в итоге все же привнес некоторое умиротворение в жизнь и деятельность С.А. Жебелёва — он был утвержден в звании академика и тяжелой кампаний *pro et contra* был положен конец, то вторая половина 1928 г. обозначила жесткое столкновение Жебелёва с государственной машиной контроля за научной работой и научными организациями, в частности за АН СССР. Речь идет о так называемом «деле Жебелёва»: после выхода в свет некролога памяти Я.И. Смирнова во втором томе “*Seminarium Kondakovianum*”⁶¹ была организована кампания травли ученого — члена трех выборных комиссий на предстоявших выборах в АН СССР. В итоге Жебелёв был вынужден публично покаяться в содеянном и отречься от дружеских и коллегиальных отношений с М.И. Ростовцевым, — своим давнишним товарищем, который еще за год до описываемых

будет Вашим шефом, то не рискну продолжить псалма, где стоит далее: вся премудростью сотворил еси» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 20 об.).

Как отмечает та же Максимова, «Сергей Александрович в шутку часто называл своих недоброжелателей из Эрмитажа именами знаменитых немецких ученых той же специальности» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 105 об.).

Роденвальд, Герхард (Rodenwaldt, Gerhart; 1868–1945) — немецкий археолог-антиковед, профессор университета в Гиссене (1917), генеральный секретарь Германского археологического института (1922), профессор Берлинского университета (1922).

Фуртвенглер — ироничное прозвище О.Ф. Вальдгауера. Имеется в виду Адольф Фуртвенглер (Furtwängler, Adolf; 1853–1907) — немецкий археолог, искусствовед, профессор Мюнхенского университета (1894).

Кристи, Михаил Петрович (1875–1956) — заместитель начальника Главнауки при Наркомпросе РСФСР (1926), директор Третьяковской галереи (1928–1937).

Шмидт, Хуберт (Schmidt, Hubert; 1864–1933) — немецкий антиковед, археолог, специалист по культурам Бронзового и Железного века Юго-Восточной Европы, профессор Берлинского университета (1913). Заслуги Х. Шмидта состояли в особом внимании к стратиграфии и документированию при ведении раскопок.

Шухардт, Карл (Schuchardt, Karl; 1859–1943) — немецкий археолог, директор музея им. Августа Кестнера (Ганновер), один из основателей Римско-германской комиссии (1901) — подразделения Германского археологического института, руководившего раскопками ранних культур в Центральной Европе, с 1908 г. — директор исторического отдела Этнографического музея (Берлин), в 1916–1919 и 1926–1929 гг. — председатель Берлинского общества антропологии, этнологии и праистории (Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte).

Жебелёв цитирует псалом 103 (стк. 24): «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростью сотворил еси, исполнися земля твари Твоя».

⁶⁰ В 1928 г. С.А. Жебелёв был исполняющим обязанности директора Библиотеки АН.

⁶¹ Zhebelev 1928, 1–19.

событий принимал активное участие в продвижении кандидатуры Жебелёва в академики⁶². Однако, как свидетельствует письмо к Н.Я. Марру от 31 октября 1928 г., покаяние и отречение проходили под сильнейшим давлением, которому Жебелёв, по крайней мере на первых порах, активно сопротивлялся:

Дорогой Николай Яковлевич,

После имевшего места разговора с Вами я пересмотрел свою статью о Я.И. Смирнове. Не для оправдания себя, разумеется, а для того, кто пожелал бы ознакомиться не с отдельными словами моей статьи, а с контекстом, в каком эти слова находятся, привожу инкриминируемые мне места.

Стр. 1. «Яков Иванович скончался 10-го апреля 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье. Все мы были потрясены неожиданной смертью Я.И., но составлять некролог его не имело смысла, так как этот некролог негде было бы напечатать: существование Журнала Министерства народного просвещения, где обыкновенно печатали некрологи ученых, прекратилось. Русское археологическое общество, хотя еще существовало, но уже не имело средств на издание своих Записок». — Казалось бы ясным, что речь идет о событиях, предшествовавших дню смерти Якова Ивановича и непосредственно за этим днем следовавших. Предоставляю решить, было ли у нас «лихолетье», или нормальная жизнь.

Стр. 2. «Яков Иванович “ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П. Кондакова”, как его охарактеризовал наш общий с Яковом Ивановичем друг и соратник, М.И. Ростовцев (в изданной в Праге синей книге к 80-летию со дня рождения Н.П. Кондакова)». — «Общий с Яковом Ивановичем друг и соратник, М.И. Ростовцев», казалось бы, поскольку здесь речь идет о «соратничестве» с покойным Яковом Ивановичем, можно иметь в виду лишь время до дня его смерти, отделенное от конгресса в Осло⁶³ и той информации о нем, какая имеется у Вас, десятью годами. Таким образом, я должен взять назад и ту уступку, которую сделал вчера, не имея пред глазами своей статьи, когда я находил, что мне следовало бы при слове «соратник» прибавить «бывший».

Что же касается появления моей статьи в пражском издании, то как раз в сегодняшнем вечернем № Красной газеты приводятся такие слова С.Ф. Ольденбурга: «Уже отмечалось, что вследствие затруднений, которые испытывают ученые с опубликованием своих трудов в СССР, громадное число ценнейших работ советских ученых издается на Западе (включая даже и Испанию)»⁶⁴. Моя статья, конечно, к числу «ценнейших» не принадлежит, но она помещена в сборнике, посвященном памяти видного ученого и дорогого нам человека. Кстати сказать: в этом сборнике 30 статей. Из них 14 принадлежат ленинградским ученым, одна — московскому. Из этих 15 статей 14 принадлежат работникам Академии истории материальной культуры.

Вот и все. А за прошлое простите, за будущее не кляните.

Ваш С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 32–33.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

⁶² См. подробнее Tunkina 2000, 120, прим. 10 (литература по теме); 2015, 128–134.

⁶³ Имеется в виду Международный конгресс историков в Осло в 1928 г., против участия в котором советской делегации активно возражал М.И. Ростовцев.

⁶⁴ Жебелёв здесь точно цитирует слова Ольденбурга из краткой заметки «Академия наук — перед новыми задачами (Беседа с непременным секретарем Академии наук СССР акад. С.Ф. Ольденбургом)», опубликованной 31 октября 1928 г. в № 301 (1971) вечернего выпуска «Красной газеты» на с. 3. В списке трудов Ольденбурга этот текст отсутствует, хотя представляет собой изложение его прямой речи.

«Дело Жебелёва» уже рассматривалось в недавней историографии⁶⁵, и рассматривалось весьма обстоятельно. Тем не менее на нем следует заострить внимание в свете данного документа.

Письмо Жебелёва Марру было написано в тот момент, когда дело только разворачивалось и еще не получило своего максимального развития. Показательно, что, по данным И.В. Тункиной, первые данные о «деле Жебелёва» — записи Е.Г. Ольденбург — относятся к 16 и 18 ноября 1928 г., когда имела место встреча С.Ф. Ольденбурга — на тот момент непрямого секретаря АН СССР — с Н.П. Горбуновым — управляющим делами СНК, членом Ученого Комитета ЦИК СССР и начальником ОНУ при СНК Е.П. Вороновым, настаивавшими на исключении Жебелёва из АН СССР и ГАИМК⁶⁶. Между тем, письмо Жебелёва Марру написано за две недели до описываемых событий, т.е. именно этот документ является наиболее ранним свидетельством раскрытия дела Жебелёва.

Письмо к Н.Я. Марру важно не только как источник, не привлекавшийся к анализу ситуации и последствий ее развития для Жебелёва лично и для науки о древности в целом. Жебелёв пишет Марру как директору ГАИМК — своему непосредственному руководителю. Это обстоятельство особенно важно, так как Жебелёву угрожало исключение из обеих академий — ГАИМК, которой руководил Марр, и АН СССР, в которую он только что был избран. А ведь именно Марр был одним из тех, кто горячо поддерживал избрание Жебелёва в академики. Важным в данном письме представляется, с одной стороны, проявление гражданской смелости со стороны Жебелёва: он предлагает Марру самому решить, как следует обозначить первые послереволюционные годы: «лихолетье» или нормальная жизнь. Определенно Марр или сам, или под давлением извне поставил на вид Жебелёву эту формулировку, муссировавшуюся в обвинениях и далее.

Кроме того, Жебелёв, не имевший перед глазами своей статьи во время разговора с Марром, судя по контексту довольно тяжелого, берет назад свои слова о том, что Ростовцев — его «бывший» соратник. Конечно, здесь налицо попытки выкрутиться — отсюда и стремление прикрыться цитатой из статьи Ольденбурга о трудностях с изданием работ в СССР, — что противоречит отсутствию стремления самого Жебелёва издавать свои труды за границей (см. выше и ниже), т.к. оборот «наш общий с Я.И. друг и соратник, М.И. Ростовцев» однозначно подразумевает, что Ростовцев был другом и соратником не только Я.И. Смирнова, но и его, Жебелёва. Однако Жебелёв в любом случае отзывает свою уступку.

Показательно и то, что Жебелёв не продолжает начатого разговора, а пишет письмо, своего рода объяснительную записку. Разговор явно привел к обострению отношений между коллегами по Академии наук, которые, однако, находились в отношениях административного соподчинения в рамках ГАИМК. Об этом свидетельствуют более поздние документы, в частности, воспоминания Е.Г. Ольденбург, согласно которым Марр был очень зол на Жебелёва и был вынужден

⁶⁵ Tunkina 2000, 116–162.

⁶⁶ Tunkina 2000, 121.

инициировать ряд репрессивных мер против него⁶⁷. Для этих мер Жебелёв в письме к А.В. Орешникову от 11 сентября 1929 г. подобрал весьма емкое сравнение: «Буду очень благодарен, если при случае пришлете данные о том, как меня обливали помоями в Москве. Я кое-что читал, но, конечно, далеко не все. Был насыщен [...] местными помоями»⁶⁸.

В конце 1929 г. последствия публикации статьи о Я.И. Смирнове и вопрос об отношениях с М.И. Ростовцевым не оставляли Жебелёва в покое. Так, он пишет А.В. Орешникову 19 сентября 1929 г.: «...Академия переживает очень трудные и тяжелые времена, и как с ними власти наши справятся, одному Богу известно. Пока что они плывут, как говорится, по течению, хотя течение это издает смрад и зловоние; но, очевидно, у них носы не очень чувствительные, и они привыкли их держать по ветру. Но ведь и ветры бывают разные, а некоторые могут и просквозить... Если говорят, что от своих в свое время Москва сгорела, то применительно к моему казусу можно было сказать: из-за невинного признания⁶⁹ в своей статье о Я.И. Смирнове я рисковал отправиться в места не столь отдаленные. Но это между нами»⁷⁰.

Конец 1928–1929 гг. — определенно очень трудное время для Жебелёва. Он стремится сохранять прежнюю принципиальность, заниматься наукой, несмотря на твердую уверенность в бессмысленности, обреченности усилий — как своих, так и его единомышленников. 13 декабря 1928 г. он признается А.И. Болтуновой (Амиранашвили): «Что делать? Жизнь состоит не из одних “юбилеев”. Бывают также “юбилеи” и иного сорта, чем тот юбилей, который я праздновал в 1926 г. По моему подсчету, на одно счастливое событие в жизни человека выпадает десять несчастливых. Но человек так устроен, что одно счастливое событие заставляет забыть, или, во всяком случае, примирить девять несчастливых. Может быть, это — философское утешение, но приходится и к нему прибегать»⁷¹.

По мере того как «дело Жебелёва» набирало оборот, тональность его писем принимала все более мрачный характер. Через полгода, 17 мая 1929 г., он пишет: «Беда в том, что той науки, которой мы занимались, теперь у нас никому не нужно, и сами мы нечто вроде Дон-Кихотов. Это нужно усвоить себе твердо, и тогда становится легче... Мир перестраивается, и нужны новые зодчие, а старым одна дорога — в могилу, но до могилы они должны работать так, как работали раньше, когда, казалось, и они, и их дело было кому-то если не нужно, то допустимо»⁷². Практически теми же словами он пишет через год (30 мая 1930 г.) А.В. Орешникову:

⁶⁷ Tunkina 2000, 122. Далее в своей работе И.В. Тункина указывает, что Н.Я. Марр наряду с С.Ф. Ольденбургом был одним из немногих, кто пытался смягчить силу удара против Жебелёва (с. 125).

⁶⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 17. Л. 7–7 об.

⁶⁹ Здесь, конечно, имеется в виду признание Жебелёва в дружеских чувствах к М.И. Ростовцеву.

⁷⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 17. Л. 10–10 об.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 50.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 63 об.

«Приятно лишь одно: до 30 сентября никаких сессий не будет, и можно будет сидеть дома и заниматься своим, никому теперь не нужным делом»⁷³.

После того как в АН СССР были проведены все угодные Советской власти кандидаты — инструментом давления как раз и явилось дело Жебелёва⁷⁴, — отношения между Марром и Жебелёвым должны были постепенно потеплеть. Однако они не могли уже стать прежними. Неспроста Жебелёв признавался в письме С.Я. Лурье от 18 апреля 1930 г. о последствиях этого «дела» для его места в ГАИМК: «...моя роль в Академии материальной культуры окончилась после имевшего место в прошлом сезоне “инцидента”»⁷⁵.

В официальных здравицах и некрологах в тот период, когда Жебелёв был уже в фаворе у властей, о его «деле» не вспоминали. И, конечно, некролог памяти Я.И. Смирнова не был указан в «официальном» перечне работ Жебелёва, представленном в числе прочих документов на соискание звания заслуженного деятеля науки в 1940 г.⁷⁶ (см. ниже).

Формально научная позиция Жебелёва не менялась, и он продолжал сохранять верность близкому с юности «фактопоклонничеству», отвергая широкие построения, не выводимые из конкретно источниковедческих штудий. Об этом он писал А.И. Болтуновой (Амиранашвили) 13 января 1929 г.: «Все-таки у нас под ногами твердая почва, а не трясина, и лучше построить маленький сарай на крепком фундаменте, чем великолепное palazzo на зыбком песке»⁷⁷. И чуть позже (24 февраля 1929 г.): «Символикой очень не увлекайтесь — соблазнительно, но опасно, можно начать фантазировать, а науке нужны, прежде всего, факты, факты и факты»⁷⁸. С сожалением пишет Жебелёв о своих ученицах Р.В. Шмидт и О.М. Фрейденберг, перешедших на иные методологические позиции, 23 апреля 1928 г.: «О.М. Фрейденберг не помню, когда и видел; но она, кажется, в объятиях яфетидологии, что от меня далеко»⁷⁹.

С другой стороны, исключительный размах яфетидологических штудий позволяет Жебелёву провести своеобразную черту между совестью, здравым смыслом, с одной стороны, и явлениями противоположными, с наукой несовместимыми, с другой, о чем говорится в письме от 22 октября 1929 г.: «По-моему, и та и другая, из ложного самолюбия, поддались чарам пресловутой яфетидологии и для науки погibli, а если воскреснут, то сами будут потом стыдиться своих произведений...

⁷³ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 17. Л. 23.

⁷⁴ Академик Коковцов в записке, составленной непосредственно после или даже в процессе происходивших событий, утверждает, что имя Жебелёва напрямую называлось в числе имен тех академиков, которые, в случае провала кого-то из «кандидатов-коммунистов», будут немедленно исключены властью из АН СССР. См. Kokovtsov 1993, 151–152.

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 79 об.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 13. Д. 210. Л. 79–80.

Две работы Жебелёва памяти Я.И. Смирнова вернулись в список работ, опубликованный в № 7 «Советской археологии» за 1941 г., посвященном юбилею ученого; см. Kstanayan 1941, 13.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 54.

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 58.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 37.

Вообще теперь такое время, когда очень трудно остаться самим собой — а это для человека самое главное, потому что ведь, кроме ума, сердца, живота и др. органов, есть и совесть, и она подчас тоже дает о себе знать, должна давать»⁸⁰.

Именно в таком качестве он продолжал трактовать яфетические построения коллеги, научную эволюцию которого он описывал в письме от 11 января 1931 г. следующим образом: «Март интересовался в свое время Ани с локально-патриотической точки зрения, теперь же об Ани и не вспоминает. Подавай яфетидологию и забирайся в высь поднебесную или спускайся в ад кромешный»⁸¹. Упомянув о преобразовании Яфетического института в Институт языка и мышления, он писал 9 октября 1931 г.: «В результате, вероятно, будет доказано, что все русские слова восходят к грузинским словам *ad maiorem Georgiae gloriam*»⁸². Меня все это, однако, тревожит мало, больше с точки зрения поправки здравого смысла, но и тот уже давно поправлен, так что и тут тревожиться не приходится, да и не стоит себя волновать из-за таких пустяков»⁸³. Последняя фраза представляется особенно важной. Шок от развернутой масштабной травли хотя бы частично, но прошел. Ирония, столь заметная к концу 1920-х годов в отношении Жебелёва к окружающей научной жизни, начинает возвращаться, но уже с новым ощущением необратимости произошедших перемен. Здравый смысл «уже давно поправлен». Методологические основания научной работы остаются прежними — текстологическое исследование, анализ источников, конкретика материала, — но вот сам смысл этой работы в мире поправленного здравого смысла становится иным.

Хотя основной виток травли уже остался в прошлом, но проработки продолжались, и, например, в июне 1930 г. обстоятельства избрания Жебелёва в действительные члены Академии наук и обвинения в плагиате были вновь использованы для его дискредитации.

В ходе проводившейся в ГАИМК чистки кадрового состава 8 июня 1930 г. состоялось заседание, на котором О.О. Крюгер и С.А. Семенов-Зусер выступили с обвинениями в адрес ученого, упоминая события трехлетней давности и ссылаясь на якобы посланное влиятельным немецким археологом и музейным деятелем Т. Вигандом в Академию наук письмо, уличавшее Жебелёва в плагиате. По воспоминаниям М.И. Максимовой, «то было заседание Месткома, с приглашением представителей судебных органов, и вел собрание председатель суда»⁸⁴. Хотя

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 71–71 об.

⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 92.

⁸² К вящей славе Грузии (*лат.*).

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 101.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 217. М.И. Максимова даже в конце жизни сохраняла предельную осторожность и в своем экскурсе ни разу не упомянула о подлинном характере мероприятия — чистке сотрудников академии. См. материалы чистки ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4. Л. 203 и далее. О ней см. Nosov 2013, 166–167. Плагиат в ходе заседания вменялся Жебелёву в вину вместе с покупкой для ГАИМК у вдовы Б.В. Фармаковского библиотеки покойного, якобы содержавшей множество ненужных и дублетных экземпляров. Со стороны ученого это была, конечно, попытка помочь вдове давнего приятеля, о тяжелом положении которой он довольно много писал той же А.И. Болтуновой (Амиранишвили) и которую, до ее отъезда из Ленинграда на Украину, пытался поддержать.

закончилось оно в итоге полным оправданием — Жебелёв не был «вычищен» из ГАИМК (во многом неожиданно, т.к. в ходе «слушаний» казалось, что симпатии собравшихся и заседавших находились не на стороне «обвиняемого»), — на пожилого ученого все произошедшее вновь оказало самое тяжелое воздействие. По словам Максимовой, «суд длился несколько часов подряд и закончился в 11-м часу ночи... Начинаясь уже белая ленинградская ночь, когда мы с Сергеем Александровичем вышли из Мраморного дворца. Видимо, Сергей Александрович еще не успокоился, и мне не хотелось оставлять его в таком настроении одного. Не спеша, мы три раза обошли с ним вокруг Марсова поля, и только после этого он направился пешком домой на Васильевский остров, а я пошла к себе в противоположную сторону»⁸⁵.

На следующий день Жебелёв писал Максимовой: «...все-таки, очевидно, вчера я устал сильно: заснув в час, я в три уже проснулся и долее спать не мог. Было много времени для “переживаний”»⁸⁶. Вновь одним из самых тяжелых стало наблюдение за поведением коллег: «Я всю ночь не мог отделаться от мысли о Т.-К»⁸⁷. Как она старалась! Даже в колхоз ездила. А вчера — она сидела от меня через стул — она, во время речи председателя, почти все время говорила настолько громко, что он должен был слышать: вот это верно, прекрасно, правильно и т.п. Невольно приходят на память слова из “Дамы с камелиями” — *come è bizarre la nostra esistenza*⁸⁸ — цитирую по-итальянски, ибо в свое время слушал эту пьесу много раз в исполнении Дузе»⁸⁹. При этом, однако, следует отметить, что, по догадкам Максимовой, к положительному исходу процесса и оправданию Жебелёва вполне мог быть причастен Марр, обладавший существенным административным авторитетом и имевший возможность надавить на судей⁹⁰.

Впрочем, даже если это было и так, в отношениях двух ученых данный инцидент изменил немного. Например, 6 октября 1933 г. Жебелёв писал Болтуновой о своих встречах с Марром следующим образом: «Я видел Марра довольно часто, но в разговоры мы не вступали. О чем нам говорить? Я думаю, что подчас нам и в глаза-то друг другу смотреть тяжело»⁹¹. Личные отношения, вероятно, сошли на нет уже бесспорно.

Но сам Жебелёв в начале 1930-х годов, еще более критически отзываясь о «яфетическом мракобесии», все же продолжал поддерживать научные контакты со старым коллегой. С одной стороны, он писал Болтуновой 11 сентября 1933 г.: «Мне, пожалуй, не удастся дожить, а Вы доживете и будете свидетелем, как все это “яфетическое” мракобесие рассеется яко дым, и его адепты не в индо-европейцев обратятся, а просто сойдут на нет, “смоются”, как теперь говорят, и будут пристраиваться к чему-нибудь другому, а о своих прежних симпатиях

⁸⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 220.

⁸⁶ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 42.

⁸⁷ Тиханова-Клименко, Мария Александровна (1898–1981) — археолог, в РАИМК с 1920 г., председатель месткома ГАИМК.

⁸⁸ «Сколь странно наше существование» (*итал.*).

⁸⁹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 43–43 об.

Дузе, Элеонора (Duse, Eleonora; 1858–1924) — итальянская драматическая актриса.

⁹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 223.

⁹¹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 139.

будут отрекаться и говорить: да что Вы, это — просто недоразумение, я никогда не верил в это. Оборотни, а еще лучше — даже не двуручники, а восьмиручники»⁹². С другой же, он консультировал Марра по вопросам античности. За период 1931–1933 гг. сохранилось лишь четыре его письма, и все они содержат только справки по античной культуре, вероятно, составленные в ответ на запросы Марра.

Для состояния Жебелёва начала 1930-х годов очень характерно письмо Д.М. Петрушевскому от 5 июля 1932 г., избранному в академики в 1928 г. Жебелёв с ним виделся в этой связи достаточно часто и, очевидно, мог высказываться по многим вопросам совершенно открыто. Он признается коллеге в том, что морально истощен и что настало лучшее время для написания «автонекролога». Жебелёв определенно полагал, что обстановка в научном мире не изменится — мелкие придирки продолжатся, свобода научного творчества не будет обеспечена:

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

Я окончательно заскучал, не имея от Вас, и так долго, никаких вестей. Напишите, как Вы поживаете и как собираетесь поживать? Я, освободившись к июлю от всяческих заседаний, свалил с плеч редактирование принудительной хрестоматии⁹³, заставил засесть за продолжение своей работы по эпидаврийской терапевтике⁹⁴, но не тут-то было: чувствую себя настолько усталым и нетрудоспособным, что пока что могу только читать Эсхила (вероятно, читая уже в последний раз) и второй том „Glaube der Hellenen“ Виламовица⁹⁵. И то, и другое, кажется, меня подбадривает, но усталость еще не проходит и за сочинительство браться просто нет расположения. Все же понемногу пишу свой «автонекролог»⁹⁶ — пора, пора, пора, ибо моральные силы на исходе. Объявление во вчерашнем № «Известий» подтвердило мне, что если прежде говорили: уста младенцев глаголют истину, то теперь роль младенцев исполняют наборщики. В аспиранты академии будут приниматься и по *сейсмологической* группе, а далее перечислены дисциплины, в нее входящие: лингвистика, востоковедение, этнография, славяноведение. Ведь что это значит! Взятые дисциплины, сейсмическое состояние которых, если принять в расчет главарей их, вряд ли может подлежать сомнению. Если бы знал имя наборщика, послал бы ему депешу за его невольное проникновение в истину. У нас стоит пока приятная погода, т.е. не душно и не жарко. Из коллег выдаю я иногда лишь Крачковского. На сессию я, конечно, не ездил. В моем некрологе Виламовица⁹⁷ снова нашел три «изъяна»; выкинули даже то место, где я говорю со слов Виламовица, кто были его университетские учителя. Если эти [...] ⁹⁸ мне не велит, то что было бы, если бы <я> желал печатать по-немецки?

Всего доброго,

Ваш С. Жебелёв⁹⁹

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 5–5 об.

⁹² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 137.

⁹³ См. Zhebelev, Kovalev 1933.

⁹⁴ См. Zhebelev 1933, 61–96.

⁹⁵ См. Wilamowitz-Moellendorff 1932.

⁹⁶ Zhebelev 1993, 177–201.

⁹⁷ См. Zhebelev 1932, 1–13. См. чистые листы публикации на виртуальной выставке, посвященной 150-летию С.А. Жебелёва (URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/783/>; дата обращения: 22.06.2020 г.).

⁹⁸ Данный фрагмент текста перекрывает почтовый штемпель; чтение затруднено.

⁹⁹ Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 5–5 об.

Первый этап отношений академика С.А. Жебелёва с советским государством был очерчен октябрьским переворотом 1917 г., вызвавшим стремление новой власти поставить историческую науку на службу своим идеологическим интересам, с одной стороны, и завершением репрессий в рамках «академического» дела, с другой. В 1932 г. составлением автонекролога академик С.А. Жебелёв начал подводить итоги своего жизненного и научного пути. Определенно он не надеялся на изменение своего места и роли в системе советской науки. С начала своей научной деятельности он придерживался единых принципов в научной работе, но его отношения с государством изменились в 1917 г. Жебелёв не принял новую власть ни саму по себе, ни в виде концепций, которые историческая наука была призвана обосновывать (марксистскую теорию исторического прогресса, яфетическую теорию, новое учение о языке). Избрание академиком АН СССР в 1927 г. только обострило его отношения с государством: репрессии против Жебелёва были использованы в ходе академического дела 1928–1931 гг. как инструмент давления на всю академию. В начале 1930-х годов Жебелёв чувствовал себя опустошенным, лишенным ориентиров в научной работе, однако, скорее по инерции, продолжал свое служение науке.

Литература / References

- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: [Academician S.A. Zhebelev and State Hermitage]. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43–70.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. Академик С.А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43–70.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2019: [Election of S.A. Zhebelev in full members of the Academy of Sciences of the USSR]. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 13, 77–109.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. Выборы С.А. Жебелёва в действительные члены АН СССР. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 13, 77–109.
- Bezobrazov, P.V. 1899: [P.V. Vasilyevskiy]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle] VI/3–4, 636–652.
- Безобразов, П.В. В.Г. Васильевский. *Византийский временник* VI/3–4, 636–652.
- Kastanayan, E.G. 1941: [List of scientific publications of academician Sergei Alexandrovich Zhebelev (supplement to the list, issued in 1926)]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology] 7, 13–15.
- Кастанаян, Е.Г. Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелёва (дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.). *СА* 7, 13–15.
- Kokovtsov, P.K. 1993: [For the establishment of truth]. *Kunstkamera. Etbnograficheskie tetradi* [Kunst-kamera. Ethnographical Notebooks] 1, 151–156.
- Коковцов, П.К. Для установления истины. Кунсткамера. *Этнографические тетради* 1, 151–156.
- Lurie, Ya.S. 2004: *Istoriya odnoy zhizni* [A History of a Life]. Saint Petersburg.
- Лурье, Я.С. *История одной жизни*. СПб.
- Nosov, N.E. (ed.) 2013: *Akademicheskaya arkhologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic Archaeology on the Banks of the Neva (from RAIMK to IIMK RAN, 1919–2014)]. Saint Petersburg.
- Носов, Н.Е. (ред.). *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)*. СПб.
- Tunkina, I.V. 1997: [M.I. Rostovtzeff and Russian Academy of Sciences]. G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman* [Scythian Novel]. Moscow, 84–124.
- Тункина, И.В. М.И. Ростовцев и Российская академия наук. Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 88–124.
- Tunkina, I.V. 2000: [“Case” of academician S.A. Zhebelev]. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia]. Issue 2, 116–161.
- Тункина, И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*. Вып. 2, 116–161.

- Tunkina, I.V. 2003: [To the history of academic elections in 1929–1930. Academician S.A. Zhebelev. The scholarly works of D.V. Ainalov]. In: A.D. Stolyar (ed.), *Nevskiy arkhologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* [The Neva Archaeological-Historiographical Essays to the 75th Anniversary of A.A. Formozov]. Saint Petersburg, 176–183.
- Тункина, И.В. К истории академических выборов 1929–1930 гг. Академик С.А. Жебелёв. Записка об ученых трудах Д.В. Айналова. В сб.: А.Д. Столяр (ред.), *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова*. СПб., 176–183.
- Tunkina, I.V. 2015: [From the history of academic elections of 1927: the letter of O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya to M.I. Rostovtzeff]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiiy sbornik* [Verhniy Don Archaeological Collection] 7, 128–134.
- Тункина, И.В. Из истории академических выборов 1927 года: письмо О.А. Добиаши-Рождественской М.И. Ростовцеву. *Верхнедонской археологический сборник* 7, 128–134.
- Val'kova, O.A. 1999: [Language of fundamental science in Russia]. In: V.M. Orel, S.S. Ilizarov (eds.), *Rossiyskaya akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii* [Russian Academy of Sciences: 275 Years of Service to Russia]. Moscow, 322–346.
- Валькова, О.А. Язык фундаментальной науки в России. В сб.: В.М. Орел, С.С. Илизаров (ред.), *Российская академия наук: 275 лет служения России*. М., 322–346.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von 1932: *Der Glaube der Hellenen*. Bd. II. Berlin.
- Zhebelev, S.A. 1928: J.J. Smirnov. *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'Art. Études Byzantines* II, 1–18.
- Zhebelev, S.A. 1932: [In memory of Wilamowitz-Moellendorff]. *Izvestiya AN SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR] VII/11, 1–13.
- Жебелёв, С.А. Памяти Виламовица-Меллендорфа. *Известия АН СССР* VII/11, 1–13.
- Zhebelev, S.A. 1933: [The therapeutics of Epidauros]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences] 1, 61–96.
- Жебелёв, С.А. Эпидаврйская терапевтика. *Известия АН СССР. Отделение общественных наук* 1, 61–96.
- Zhebelev, S.A. 1993: [Autonecrolgy]. *Vestnik drevneyi storii* [Journal of Ancient History] 2, 177–201.
- Жебелёв, С.А. Автонекролог. Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова. *ВДИ* 2, 177–201.
- Zhebelev, S.A., Kovalev, S.I. (eds.) 1933: *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh. Literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel'stva o sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [Antique Production Mode in Sources. Narrative, Epigraphic and Papyrological Attestations on Social and Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome]. Leningrad.
- Жебелёв, С.А., Ковалев, С.И. *Античный способ производства в источниках. Литературные, эпиграфические и папиологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима*. Л.